

УДК 341

DOI: 10.34670/AR.2021.23.96.002

**Развитие прав человека в условиях цифровизации общества:
современные тенденции в цифровой реальности****Глушкова Светлана Игоревна**

Доктор политических наук,
завкафедрой прав человека,
Гуманитарный университет,
620041, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: glsvig@yandex.ru

Летунов Евгений Дмитриевич

Аспирант,
Гуманитарный университет;
эксперт-специалист Управления Федеральной
службы государственной статистики по
Свердловской области и Курганской области,
620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Толмачева, 23;
e-mail: defrazo@yandex.ru

Аннотация

В современных политико-правовых реалиях, когда цифровизация является одним из основных двигателей и трендов развития общества и государства, особенно важными становятся вопросы соблюдения, обеспечения и защиты прав человека. Цифровизация политических и социально-экономических процессов в государстве ведет к появлению новых феноменов – цифровой личности, цифровой реальности, информационно-цифрового пространства правоотношений, на которые устоявшиеся со временем механизмы защиты прав человека не распространяются в полной мере. Это обуславливает необходимость уточнения и совершенствования существующих правовых механизмов и анализа новых тенденций в политико-правовых отношениях власти и общества в государстве. Цели исследования – проанализировать развитие прав человека под влиянием цифровизации, рассмотреть наиболее острые вопросы и выявить перспективные направления развития цифровых прав человека. Авторами выявлены основные признаки цифровых прав человека, предложены понимание и пути дальнейшего развития данной категории прав человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 5А. С. 11-27. DOI: 10.34670/AR.2021.23.96.002

Ключевые слова

Права человека, цифровые права, информационные технологии, цифровые технологии, Интернет, цифровизация, цифровая трансформация политики и права.

Введение

Базовый перечень прав человека, который является общепризнанным на сегодняшний день, формировался во время второй волны глобализации [Глобализация, www], под влиянием последствий Второй мировой войны и на основе технологий того времени. Поколенческая классификация прав человека, предложенная в 1979 г. Карелом Васаком, учитывала особенности предыдущих эпох и делала акцент на:

- освобождении человека как личности от социальных и политических ограничений и дискриминации (поколение личных (гражданских) и политических прав человека);
- обеспечении включенности человека в экономическую, социальную и культурную среду (поколение экономических, социальных и культурных прав человека);
- формировании защиты человечества в мировом масштабе (поколение коллективных прав человека) [Vasak, www].

Так сформировался тот необходимый политико-правовой базис человеческого существования в обществе, который стал неотъемлемой составляющей современных реалий. В 1990-е гг. под влиянием цифровизации политики и права начали зарождаться новые виды политических и правоотношений, связанных с Интернетом. Однако их ограничивал уровень развития технологий, поэтому говорить о формировании каких-либо прав человека в этой области пока было рано. Цифровизация способствовала развитию Интернета и информационно-цифрового пространства правоотношений, которые на сегодняшний день несравнимы с реальными (нецифровыми) правоотношениями.

Цифровой мир стал неотъемлемой частью физического, современного мира, сформировав совершенно новые для классического правового понимания объекты правоотношений [Полякова, 2020, 100]. Изучение данной области общественных отношений является одной из наиболее актуальных тем в научном политико-правовом дискурсе, ведь нет единого мнения относительно того, учитывают ли общепризнанные права человека те новые тенденции в обществе и государстве, которые активно формировались в последние годы под влиянием цифровизации. Наиболее острым и дискуссионным является вопрос о том, к чему следует относить категорию цифровых прав человека – к общепризнанным поколениям прав человека или к новому (обособленному) поколению «цифровых» прав человека [Глушкова, Летун, 2020, 26].

В социально-политическом аспекте следует обратить внимание на то, что информационные технологии меняют текущую реальность, а именно «формируют новые возможности для реализации прав граждан на участие в управлении государством посредством гражданских или общественных инициатив (в том числе правозащитных) в информационно-цифровом пространстве» [Гаджиев, 2020, 154-156]. Появление Интернета существенно повлияло на образовательный процесс, расширив возможности граждан на получение образования посредством обращения к цифровым источникам информации и виртуальным образовательным технологиям [Ксензова, 2019, 34].

Цифровая трансформация политики и права, политических процессов, управления

стратегиями и тактиками развития государства и общества привела к созданию и активному распространению таких востребованных феноменов, как «умный город», электронное голосование, электронное правительство, сетевые интернет-сообщества (в научной, культурной, политической, экономической, социальной, общественной и других сферах жизнедеятельности человека, государства, общества). В условиях пандемии, периодически объявляемой самоизоляции лиц «серебряного возраста», регулярно вводимых периодов дистанционного обучения школьников и студентов цифровизация становится необходимым элементом жизни каждого, в то же время острым является вопрос об уровне владения людьми (особенно пожилого возраста) компьютерными технологиями и в целом об уровне цифровой культуры всех социальных групп населения.

Развитие и внедрение электронных технологий расширяют возможности взаимодействия граждан и государства в информационно-цифровом пространстве, что говорит о формировании совершенно нового, современного этапа развития государственного управления. Признаками этого выступает политическая активность граждан в информационно-цифровом пространстве и их заинтересованность в участии в управлении государством, развитие институтов гражданского общества, а также доступность и открытость взаимодействия граждан как с государством, так и с его органами при решении определенных вопросов [Коньков, 2019]. Новый этап развития государственного управления неразрывно связан с информационными технологиями, что нашло отражение в принятии федеральной целевой программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р). Экономика как один из наиболее важных системообразующих элементов государства требует к себе особого внимания, и, возможно, именно с этим связано то, что в России одно из первых упоминаний о цифровых правах человека началось с формирования данной программы.

Актуальность и востребованность проблем, связанных с оказанием услуг населению в электронной форме, также отражены в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Содержание данного нормативного правового акта указывает на повышение значимости цифровой информации в обществе и приоритеты государства в отношении цифровизации общественных отношений. Формирование в государстве информационно-цифрового пространства правоотношений посредством внедрения современных технологий оказывает существенное влияние на развитие социальных коммуникаций и государственных процессов. Так, многие государственные учреждения и частные организации активно создают и используют информационные системы для оптимизации и ускорения рабочих процессов и доступа к информации [Кавешников, 2018, 78]. В исследовании, посвященном электронному государству, К.А. Брагой отмечает: «Наши личные данные управляются через различные государственные регистры. В этой ситуации защита данных становится важной задачей» [Брагой, 2018, 97].

Информационно-цифровое пространство правоотношений является новой сферой правового регулирования. Согласно позиции Н.С. Бондаря, формирование информационно-цифрового пространства правоотношений несет за собой появление качественно новых способов осуществления власти и свободы, форматов функционирования власти и общественно-государственных взаимоотношений [Бондарь, 2019, 30]. Цифровизация порождает новый формат реальности, который кардинально отличается от привычного физического мира. Она формирует технологическую среду, в которой право может работать совершенно иначе, более формализовано и буквально [Карцхия, 2018, 27-28].

Теоретические основы исследования

Главные вопросы, которые обсуждаются на сегодняшний день в области цифровых прав человека, – являются ли они новой категорией прав человека и как обеспечивать их защиту. В таких работах Э.В. Талапиной, как «Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы», «Права человека в Интернете», «Эволюция прав человека в цифровую эпоху»¹, дан подробный анализ прав человека в условиях цифровизации и ее влияния на сферу правоотношений. В исследовании Т.А. Поляковой «Трансформация права в цифровую эпоху» подробно рассматриваются последствия, вызовы и риски внедрения информационных технологий в государстве и обществе [Полякова, 2020]. Профессор С.А. Авакьян отмечает, что «анализ специфики наших дней в обеспечении данных прав и свобод является актуальной задачей» [Авакьян, 2017, 3]. В данной статье рассмотрены и проанализированы труды ученых, которые занимались изучением вопроса появления и развития цифровых прав человека (М.С. Бурьянов, Н.В. Варламова, С.И. Глушкова, А.А. Карцхия), влияния цифровизации на государство (Н.С. Бондарь, К.А. Брагой, Х.А. Гаджиев).

Среди зарубежных работ приведены и проанализированы исследования ученых, которые рассматривали аналогичные вопросы по отношению к другим технологиям (газеты, радио, телеграф, телевидение). Их исследования говорят о том, что многие правовые концепции и вопросы появляются аналогичным образом в различные эпохи, следовательно, часть алгоритмов регулирования уже решенных вопросов может быть перенесена и на сегодняшние реалии, связанные с цифровизацией. Нет сомнений, что информационные технологии способствуют развитию прав человека в информационно-цифровом пространстве Интернета. Однако следует разобраться в самом процессе: происходит формирование новых прав или развитие существующих ранее. Одно очевидно точно – цифровизация способствует появлению совершенно новых аспектов реализации прав человека, цифровой личности, цифровой реальности, развитию политических процессов.

Методология исследования

При исследовании основных вопросов данной работы были использованы общенаучный диалектический и формально-логический методы познания в качестве основных, дополнением к ним стали следующие методы: формально-юридический, системно-структурный и исторический.

При помощи общенаучного диалектического метода познания было проведено комплексное исследование сущности цифровых прав человека, а также информационно-цифрового пространства, в котором осуществляются правоотношения, связанные с ними.

При анализе международных и национальных нормативных правовых актов был применен формально-юридический метод, в результате чего были выделены основные различия (признаки) между цифровыми и общепризнанными (нецифровыми) правами человека.

Системно-структурный метод позволил проанализировать взаимосвязь цифровых

¹ См.: Талапина Э.В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 41-54; Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17; Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 3. С. 122–146.

технологий и прав человека, а также рассмотреть актуальные вопросы и тенденции развития прав человека на текущем этапе цифровизации общества.

Применение формально-логического и исторического методов сделало возможным проведение параллелей между реальностями нескольких эпох, существовавших в различных условиях развития информационных технологий.

Понимание категории цифровых прав человека

Текущее понимание категории цифровых прав в современном обществе остается пока достаточно абстрактным, вследствие чего многие люди, употребляя данное понятие, чаще всего сами не имеют точного представления, о чем говорят и чем эти цифровые права являются. В ч. 1 ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации законодатель дал определение цифровым правам, но оно определяет данный вопрос в очень узком и специфичном контексте: цифровыми правами признаны обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. В данном случае происходит терминологическая подмена смыслов: в понятие, которое в мировой практике используется в одном смысле, вкладывается совершенно иное содержание. Таким образом, можно сделать вывод о том, что это специальное отраслевое понятие, которое совершенно не затрагивает вопрос о сущности цифровых прав человека и их отличительных особенностях.

Учитывая новизну концепции цифровых прав человека и отсутствие в научных кругах консенсуса в понимании данной категории прав человека, можно сказать, что она окончательно не сформировалась на сегодняшний день. До появления понятия «цифровые права человека» в научном сообществе обсуждали «интернет-права» [Даниленков, 2016], «права человека в интернете», «права человека в киберпространстве (киберправа, киберсвободы)» [Умнова, 2018], что говорит о точечных попытках определения данного феномена, но объединить все эти попытки смогло именно понятие «цифровые права человека». Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, например, считает, что цифровые права человека являются актуализированными правами человека, которые обновили свое содержание в результате цифровизации [Зорькин, www].

Взаимосвязь информационных технологий и прав человека

Информационные технологии в современных политических и правовых процессах являются инструментом, формирующим технологическую среду для общественных отношений – информационно-цифровое пространство. Э.В. Талапина рассматривает в своем исследовании появление данного пространства как один из важных вопросов современности и приводит в пример позицию киберлибертарианцев относительно этого: «Именно киберлибертарианцы впервые обосновали позицию, что Интернет образует самостоятельное юридически значимое пространство, которое может быть рассмотрено наряду с территорией земли, водным и воздушным пространством, определяющими суверенные границы государства» [Талапина, 2018, 14]. Это справедливо в той мере, что меняются политический и юридический мир, технологии и пространства взаимоотношений людей. Юридическое закрепление информационно-цифрового пространства правоотношений наряду с привычными нам пространствами – лишь вопрос времени.

Информационно-цифровое пространство состоит из множества информационных систем,

которые могут включать в себя и иные информационные системы. Согласно определению, приведенному в п. 4.452 ГОСТ 33707-2016, информационная система – это «система, организующая обработку информации о предметной области и ее хранение». Стивен Альтер в своей работе дает следующее определение информационной системы: это «рабочая система, процесс и деятельность которой посвящены обработке информации, т. е. сбору, передаче, хранению, извлечению, обработке и отображению информации» [Alter, 2008]. В российском законодательстве информационная система определяется в ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ как «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств».

Интернет представляет собой совокупность множества коммуникационных служб, каждая из которых при детальном рассмотрении является самостоятельной информационной системой со своими правилами и принципами взаимодействия. Интернет как коммуникационная технология не является чем-то абстрактным: это конкретная совокупность технических устройств, которые связаны между собой каналами связи. Важным здесь является то, что подключение к Интернету осуществляется через интернет-провайдеров (от англ. Internet service provider – поставщик интернет-услуг) – специальных операторов связи, которые имеют лицензию на предоставление услуг, среди них – предоставление каналов связи, которые могут быть использованы для поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации. Оказание услуг связи является одной из форм экономической деятельности, следовательно, подключение к Интернету – это услуга коммерческого характера со своими условиями использования. Подключаясь к Интернету, пользователь заключает договор с интернет-провайдером, тем самым принимая условия использования технологии, которые указаны в договоре, в результате чего возникает правоотношение с определенными правами и обязанностями. Например, при заключении договора с крупнейшим российским провайдером цифровых услуг и решений ПАО «Ростелеком» пользователь становится абонентом и получает возможность использования услуг связи в порядке, который предусмотрен договором.

При подключении к Интернету человек вступает в правоотношения и становится пользователем этой информационной системы. Интернет как глобальная информационная система дает возможность пользователю как получать доступ к определенной информации напрямую – посредством ввода унифицированного указателя ресурса (URL-адреса), так и пользоваться поиском информации посредством поисковых систем. Однако при любом из вариантов получения доступа к информации происходит регулирование прав и обязанностей в зависимости от приоритета механизма регулирования. Так, при использовании поисковых систем для поиска информации и получения доступа к ней пользователь автоматически соглашается с условиями пользования поисковой системы, которые включают в себя правила поведения пользователя при поиске информации, а также права и обязанности поисковой системы. При получении доступа к информации напрямую, минуя поисковую систему, права и обязанности пользователя регулируются на основе условий договора, заключенного с интернет-провайдером, а также национальным законодательством (в Российской Федерации основным актом, регулирующим данные правоотношения, является Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ). Таким образом, регулирование доступа к Интернету и информации, содержащейся в нем, осуществляется по приоритетному принципу, начиная с национального законодательства и заканчивая правилами конечной информационной системы. В исследовании, посвященном рассмотрению цифровых прав человека как нового поколения прав человека, Н.В. Варламова ссылается на правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой национальные

правовые стандарты в области информации регулируют поиск, сбор, хранение, обработку, предоставление и распространение информации вне зависимости от того, какими средствами осуществляются данные процессы [Варламова, 2019, 28].

В политической сфере Интернет открывает достаточно широкие возможности для каждого человека: это включение в интернет-сообщества (в том числе сетевые), профессиональные группы и группы по интересам (предполагающие и защиту общественных интересов), размещение контента (от личного до научного), возможности просвещения, дополнительного образования, профессионального обучения, включения в научные и просветительские проекты и мероприятия, участия в глобальных и региональных инициативах (в том числе национальных и общественных проектах) и т. д.

Признаки развития прав человека в условиях цифровизации политики и права

Наличие в информационной системе конкретных правил и условий пользования возможностями системы формирует тем самым «классическую» основу правоотношений: 1) субъект: пользователь информационной системы; 2) субъективное право: права пользователя в информационной системе; 3) юридическая обязанность: обязанность пользователя в рамках информационной системы при использовании ее функций; 4) объект: функции информационной системы.

Информационная система формирует собственное информационно-цифровое пространство с конкретным перечнем прав и обязанностей пользователя, а также санкциями за нарушение принятых пользователем правил и условий работы с системой. Информационная система выступает в данном случае самостоятельным правовым регулятором правоотношений в рамках своих компетенций, предоставляя пользователю заранее предусмотренные права. При этом пользователь не может требовать от информационной системы иные права, которые не были оговорены при подключении к ней. Таким образом, все, что отсутствует в правилах и условиях пользования информационной системы, либо не регулируется, либо регулируется вышестоящим регуляторным механизмом (определяется по принципу вложенности). Таким механизмом в данном случае будет выступать вышестоящая информационная система – сам Интернет со своими нормами, правилами и принципами, которые формируются интернет-сообществом. Интернет-сообщество является «управляющим органом» Интернета; в него входят:

- Общество Интернета (The Internet Society, ISOC);
- Рабочая группа по проектированию Интернета (The Internet Engineering Task Force, IETF);
- Корпорация по присвоению имен и номеров (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN);
- Региональный интернет-регистратор (Regional Internet Registry, RIR);
- Консорциум Всемирной паутины (The World Wide Web Consortium, W3C).

Цифровые права человека отражают особенности технологий, используемых для их реализации, но при этом сами технологии никакого значения для определения объема цифровых прав человека не имеют. Цифровой характер прав человека не детерминирует тем самым, что именно этими технологиями определяются объем и содержание соответствующих прав. И здесь очень важно обозначить как особенность цифровых прав их технологическую нейтральность. Главной отличительной чертой цифровых прав человека является то, что объект правоотношения является исключительно цифровым и находится в информационно-цифровом

пространстве. При этом следует дополнить эту дифференциацию таким признаком, как «отражение объекта нецифрового права человека в информационно-цифровом пространстве». Иначе говоря, если конкретное общепризнанное право человека до появления Интернета было направлено на нецифровой объект, а после расширило свое действие на объекты в информационно-цифровом пространстве, т. е. нашло «цифровой аналог» прежнего объекта, то признавать данное право человека цифровым недопустимо. Например, п. 4 ст. 29 Конституции РФ гласит, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Формулировка данной нормы предполагает открытый перечень способов оперирования информацией, следовательно, существующий до появления Интернета перечень автоматически включил в себя Интернет. По этой причине сформировать точный перечень «цифровых прав человека» без проведения их дифференциации весьма проблематично.

Хартия прав человека и принципов для Интернета, действующая с 2006 г. по мандату ООН, содержит следующие права человека:

- право на доступ к Интернету, как инструменту образовательного процесса (ст. 26 Всеобщей декларации прав человека (далее – ВДПЧ)). Оно включает в себя: право на обладание навыками пользователя; право на разработку, владение и скачивание доступного контента и приложений; право на доступ к инфраструктуре; право на публичный доступ в Интернет и т. д.;
- право на свободу выражения мнений и ассоциаций в Интернете (ст. 18-20 ВДПЧ), которое предполагает свободу выражений и мнений, которая распространяется и на свободу от интернет-цензуры, возможность организации и участия в онлайн-протестах;
- право на доступ к знаниям (ст. 27 ВДПЧ), гарантирующее право на роль и участие в культурно-социальном и научном прогрессе, с возможностью использования благ от них; право на свободу получения информации и доставку информации в Интернет;
- право на бесплатное открытое программное обеспечение и технологии (ст. 27 ВДПЧ), содержащее право на создание и распространение программного обеспечения с открытым кодом; право на извлечение выгод от конвергенции и мультимедийного контента и т. д.;
- право на конфиденциальность, свободу от наблюдения и шифрования (ст. 12 ВДПЧ), гарантирующее право на неприкосновенность личной жизни: право на защиту данных, свободу от слежки; на использование шифрования и т. д.;
- право на управление Интернетом. Оно формирует комплекс правомочий, связанных с участием в управлении Интернетом: объективный и многосторонний мониторинг и управление Интернетом; совместный децентрализованный Интернет с открытой архитектурой; доступность и прозрачность юридических и технических решений по дальнейшему развитию Интернета; сетевой нейтралитет и т. д.

Некоторые из данных норм основываются на статьях ВДПЧ, что указывает на необходимость разделения формирующихся прав человека на «цифровые» и «нецифровые» (в зависимости от объекта правоотношения).

Основные вопросы и тенденции в области развития цифровых прав человека

Молодежный посланник Целей устойчивого развития России при поддержке ООН М.С. Бурьянов провел комплекс научных исследований в области цифровых прав человека, результатом которых стали предложенный им перечень цифровых прав человека [Бурьянов,

2020, 18-19] и проект Всеобщей декларации глобальных цифровых прав человека, которая направлена на решение следующих вопросов: 1) цифровое неравенство; 2) тотальный контроль за человеком с использованием возможностей информационных технологий; 3) контроль над искусственным интеллектом; 4) обновление фундаментальных гарантий прав человека с учетом цифровизации; 5) перевод акцента цифровизации во благо человека, а не во вред ему и др.

По мнению авторов данного исследования, проект Всеобщей декларации глобальных цифровых прав человека, предложенный М.С. Бурьяновым, несмотря на свою радикальность (по отношению к общепризнанным правам человека), может быть одним из решений вопроса о закреплении цифровых прав человека в современной правовой концепции. Однако следует провести детальный анализ и дифференциацию на основе признака «уникальности» объекта каждого из возможных правоотношений, связанных с цифровыми правами человека, для исключения коллизий в будущем.

Существует также ряд правомочий, которые приобрели популярность в научных кругах, будучи наиболее дискуссионными: 1) право на доступ к Интернету (свобода выражения мнения и распространения информации) [Максимов, 2019]; 2) право на анонимность (возможность использования Интернета без обязательной идентификации личности пользователя) [Солдатенко, 2019]; 3) право на забвение (уважение права на уважение частной жизни) [Иванова, 2021].

Право на доступ к Интернету было предложено как базовое право человека в докладе специального докладчика ООН от 16 мая 2011 г. (А/НRC/17/27) в рамках Совета по правам человека ООН на рассмотрении резолюции 736 от 20 марта 2008 г. Анализ права на доступ к Интернету, которое относят к основным цифровым правам или «базовым», показывает, что существует два аспекта его интерпретации: 1) политико-идеологический, который предполагает беспрепятственный доступ граждан к Интернету и его содержимому (в данном случае понимание права на доступ к Интернету пересекается с правом на свободу выражения мнения и доступ к информации, содержащемуся в первом поколении прав человека); 2) технический, который предполагает существование технических условий для осуществления доступа к Интернету и его содержимому.

Оценка данного права как базового противоречит сути базовых прав человека, без которых существование человека как биологического вида не представляется возможным. Винтон Серф, один из разработчиков Интернета, утверждает, что, несмотря на то, что цифровизация сделала Интернет неотъемлемой частью современного государства и общества, отсутствие его может ухудшить качество жизни человека, но не угрожает ее естественному ходу [Serf, www]. Это говорит в пользу того, что отнесение права на доступ к Интернету в разряд базовых прав человека весьма спорно и необоснованно. Именно критерий необходимости существования правомочия для обеспечения жизни человека как биологического вида является определяющим для множества базовых прав человека, особенно прав первого поколения.

Кроме того, по мнению авторов данного исследования, необходимость его закрепления также подвергается сомнению в силу того, что оно исходит из п. 1 ст. 27 ВДПЧ, в котором говорится, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами», и ст. 28 ВДПЧ, в которой указано, что «каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены». По мнению авторов данной статьи, эти положения в совокупности формируют следующий смысл: человек имеет право на социальный и международный порядок, в котором будет реализовано его право на пользование благами

научного прогресса, к числу которых относится Интернет. Такая интерпретация положений наводит на мысль о том, что, возможно, нет необходимости отдельно закреплять право на доступ к Интернету, так как оно исходит из толкования указанных выше норм ВДПЧ.

Однако существует несколько иной взгляд на трактовку данного права, который позволит сказать, что право на доступ к Интернету является цифровым. Например, Э.В. Талапина в своем исследовании, посвященном правам человека в Интернете, указывает на условное деление/рассмотрение данного права в двух контекстах: 1) право на подключение к Интернету, где Интернет является услугой; 2) право на доступ к информации в Интернете (в том числе право не быть отключенным от него) [Талапина, 2019, 44]. Этот подход меняет объект права таким образом, что право на доступ к Интернету переходит из категории «нецифровых» в «цифровые», что подтверждает необходимость детального анализа трактовки формирующихся на сегодняшний день прав человека, относимых к «цифровым».

Оценку обоснованности права человека на анонимность в Интернете следует начать с примера его реализации. Вокруг анонимности в Интернете существует масса споров, но участники дискуссий не до конца осознают суть происходящего процесса. Представив, что пространство Интернета – это не нечто особенное, а лишь иная технологическая среда, которая еще и неразрывно связана с реальной, можно провести аналогию с реальным физическим миром. Существует ли анонимность в реальном (нецифровом) мире? Да, ровно в той степени, насколько это допустимо законом. Людям не нужно предъявлять паспорт, когда они встречаются или знакомятся с другими людьми, это происходит анонимно или под псевдонимом – и это норма. С точки зрения логики информационно-цифровое пространство в этом плане ничем не отличается и также должно предусматривать условия реализации права человека на анонимность в случаях, когда это допустимо.

Существование у человека права на анонимность позволяет ему осуществлять свои действия в Интернете без опасения, что его персональные данные попадут в руки злоумышленников либо будут использованы третьими лицами не по назначению. Существование данного права необходимо, так как информационные технологии расширили привычные границы общественных отношений, создав информационно-цифровое пространство, в котором соблюдение прав и свобод человека не менее важно. Разумеется, право на анонимность допустимо ограничивать, наравне с другими ограничиваемыми правами человека, в предусмотренных законом случаях – когда человек злоупотребляет правом и нарушает права и свободы других пользователей Интернета. В данном случае это будет справедливым в той мере, что помимо права на анонимность существуют и другие цифровые права, нарушение которых также недопустимо. Появление права человека на анонимность в Интернете показывает, как современные технологии способствуют появлению новых вопросов в области прав человека, как формируется новый уровень политических и общественных отношений и появляются правоотношения, которые на сегодняшний день не регулируются достаточным образом на уровне государства либо не регулируются в целом.

Ярким примером цифрового права человека в его буквальном понимании является право на «цифровую смерть», рассмотренное в работе С.Д. Афанасьева и А.С. Шатиловой в качестве нового цифрового права человека. Данное право человека направлено на определение «дальнейшей судьбы» персональной информации, которую опубликовал в Интернете умерший гражданин, согласно его завещанию [Афанасьев, Шатилова, 2019, 57]. Кроме того, данное право закреплено во французском законе от 7 октября 2016 г. № 2016-1321 «О цифровой республике».

Что касается права на забвение, дискуссии вокруг которого продолжаются до сих пор, то в данном случае следует учесть, что достаточно часто не рассматриваются детали реализации

данного правомочия в информационно-цифровом пространстве. Примером является ситуация приведенная В.А. Лукашевичем во время выступления на Петербургском международном юридическом форуме «9^{3/4}» в качестве иллюстрации противоречия в логике регулирования права человека на забвение: решение Европейского суда по правам человека по делу Google обязало компанию удалять ссылки на данные конкретных пользователей по их обращению, но, проводя параллель с аналогичными технологиями из прошлого, возникает вопрос о том, мог ли тот же самый гражданин, инициатор данного дела, потребовать удалить газеты из библиотек, как он потребовал удалить информацию из Интернета [Цифровые права человека..., www]. В данном случае нет необходимости сравнивать технологии прошлого с текущими, так как, в отличие от условных газет, Интернет предоставляет возможности удаления данных (или снижения до минимума количества их упоминаний). Сегодняшний механизм реализации данного права указан в ст. 10.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, которая предполагает «прекращение выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети “Интернет”» по требованию заявителя. Данная норма частично раскрывает суть данного права, но требует расширения с прицелом на «глобальность» реализации механизма его обеспечения. А.К. Жарова и В.М. Елин предлагают формулирование требований к алгоритмам, применяемым в Интернете как один из способов совершенствования данного права человека [Жарова, Елин, 2021, 51].

Заключение

Цифровые права человека, существующие в Интернете, носят правовой характер, имеют те же признаки, что и нецифровые права человека, и различаются только объектами. При этом они не являются естественным правом, которое исходит из сущности человеческой природы как биологического вида. Они существуют в политико-правовом информационно-цифровом пространстве, а значит, должны учитывать определенные модели и правовые принципы (как «классические» общепризнанные, так и характерные исключительно для Интернета).

Не стоит забывать, что человеческая история (политическая, юридическая, культурная) насчитывает немало «технологических прорывов» помимо создания Интернета: появление телеграфа, печатных газет, радио или телевидения. Появление каждой из этих технологий провоцировало волны дискуссий, которые аналогичны тем, что возникают сейчас вокруг Интернета и цифровых прав человека. Правовая, политическая и общественная история порой быстро стирается из памяти людей, но она никуда не исчезает: можно и нужно обращаться к ней, изучать и проецировать ее на сегодняшнюю реальность. Анализ политического и правового дискурсов минувших лет показывает, что появление вышеперечисленных технологий вызывало массу вопросов, которые уже были решены и могут быть перенесены в область дискуссий о цифровых правах человека. Например, при появлении телеграфа поднимались вопросы обеспечения приватности частной жизни², защиты авторских прав при передаче телеграмм³, а также конфиденциальность персональных данных в передаваемых сообщениях⁴. Появление

² См., например: Freeman E.H. The telegraph and personal privacy: a historical and legal perspective // The EDP audit, control, and security newsletter. 2012. Vol. 46. No. 6. P. 9-20.

³ См., например: Bently L.A.F. The electric telegraph and the struggle over copyright in news in Australia, Great Britain and India. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2012. 288 p.

⁴ См., например: Aspray W., Doty P. Privacy in America: interdisciplinary perspectives. Scarecrow Press, 2011. 322 p.

газет и радио также сопровождалось массой политических и общественных дискуссий (проблемы авторского права при радиовещании⁵, свобода слова в эфире⁶, доступ к газетам как средству массовой информации⁷ и свобода слова в газетах⁸). С приходом телевидения обострились вопросы о доступе к нему⁹, а также обеспечения авторских прав¹⁰, что очень тесно коррелировало с цензурой на телевидении¹¹. Все эти вопросы теперь находят свое отражение и в дискуссиях вокруг цифровых прав человека.

Положительный момент здесь в том, что история дает всем нам и миру, человечеству в целом отличные уроки, а иногда еще и ценный практический опыт. В данном случае политико-правовые концепции и вопросы, связанные с ними, которые обсуждались во времена телеграфа, газет, радио и телевидения, были так или иначе сформулированы и решены, а значит, большая часть алгоритмов решения политических и правовых вопросов, задач, проблем того времени может быть применена и к концепции цифровых прав человека, будь то защита частной жизни, доступ к информации или его ограничение. Да, Интернет является совершенно новой технологической средой, но вопросы, которые она порождает в политико-правовом пространстве, в основном уже поднимались: существуют рабочие концепции и механизмы регулирования вопросов, которые переключаются как с правами в Интернете, так и с правами регулирования телеграфа, газет, радио, телевидения и т. д.

В контексте цифровизации следует сохранять спокойное, ответственное и разумное отношение к адаптации политической и правовой среды под новые технологические условия. Необходимо разделять цифровые права (исключительно новые правомочия) и права в Интернете (общепризнанные права человека в новой технологической среде), работать над формированием процедур по контролю и защите с учетом конкретного технического средства (Интернета), как это когда-то было с телеграфом, газетами, радио и телевидением. Такой подход позволит избежать выработки излишних механизмов правового регулирования и коллизий в правовой и политической системах. Осознание того, что новые технологические среды формируют в основном новые способы реализации общепризнанных прав, а не новые права, есть ключ к решению дискуссий вокруг концепции цифровых прав человека.

Библиография

1. Авакьян С.А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 3-34.

⁵ См., например: Linck L.L. Copyright law applied to radio broadcasting // Notre Dame law review. 1943. Vol. 19. No. 1. P. 13-30.

⁶ См., например: Caldwell L.G. Freedom of speech and radio broadcasting // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 1935. Vol. 177. No. 1. P. 179-207.

⁷ См., например: Barron J.A. Access to the press – a new first amendment right // Harvard law review. 1967. Vol. 80. No. 8. P. 1641-1678.

⁸ См., например: Goodman E.P. Media policy and free speech: the first amendment at war with itself // Hofstra law review. 2007. Vol. 35. No. 3. P. 1211-1260.

⁹ См., например: Janes B.T. History and structure of public access television // Journal of film and video. 1987. Vol. 39. No. 3. P. 14-23.

¹⁰ См., например: Greene S.C. The cable television provisions of the revised copyright // Catholic University law review. 1978. Vol. 27. No. 2. P. 263-303.

¹¹ См., например: Fiss O.M. The censorship of television // Northwestern University law review. 1999. Vol. 93. No. 4. P. 1215-1238.

2. Афанасьев С.Д., Шатилина А.С. «Цифровизация» конституционного права: личные и политические права в информационном обществе // Информационное общество. 2019. № 3. С. 53-58.
3. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25-42.
4. Брагой К.А. Электронное государство: правовые аспекты формирования и развития // Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018». Минск, 2018. С. 96-102.
5. Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте реализации цели устойчивого развития № 16 // Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2020». Гатчина, 2020. С. 17-20.
6. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 4. С. 9-46.
7. Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
8. Гаджиев Х.А. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. № 3. С. 147-171.
9. Глобализация. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml>
10. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4. С. 16-28.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
12. Даниленков А.В. Принципы интернет-права // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 144-154.
13. Жарова А.К., Елин В.М. Обеспечение права на доступ к Интернету и забвение в цифровом пространстве Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2. С. 48-53.
14. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyue-prava-grazhdan.html>
15. Иванова А.П. Реализация права на забвение в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 2. С. 154-162.
16. Кавешников Д.В. Основы применения информационных технологий в муниципальном управлении // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2018. № 2. С. 76-78.
17. Карцхия А.А. Цифровое право как будущее российской цивилистики // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 26-40.
18. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
19. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 13. № 1. С. 47-68.
20. Ксензова А.Н. Цифровизация образования: тенденции и перспективы // Материалы Международной электронной научно-практической конференции «Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальный и образовательный аспекты». Астрахань, 2019. С. 30-34.
21. Максимов А.А. Существует ли право на доступ к Интернету? // Современное право. 2019. № 6. С. 58-64.
22. Межгосударственный стандарт ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) «Информационные технологии. Словарь». URL: <https://base.garant.ru/71637770/>
23. О связи: федер. закон Рос. Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18.06.2003: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25.06.2003. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/
24. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/
25. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 08.07.2006: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14.07.2006. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
26. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
27. Полякова Т.А. Трансформация права в цифровую эпоху. Барнаул, 2020. 432 с.
28. Солдатенко О.М. Право на анонимность в «цифровую» эру: проблемы признания и пределы реализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 138-140.
29. Талапина Э.В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 41-54.
30. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.

31. Умнова И.А. Информационное право как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию // Государство и право в новой информационной реальности. М., 2018. С. 38-52.
32. Цифровые права человека – новые права человека. URL: <https://spblegalforum.ru/ru/channel/4>
33. Alter S. Defining information systems as work systems: implications for the IS field // European journal of information systems. 2008. No. 19. P. 448-469.
34. Cerf V.G. Internet access is not a human right. URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html>
35. Declaration of Global Digital Human Rights. URL: http://maxlaw.tilda.ws/declaration_of_global_digital_human_rights
36. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. URL: <https://undocs.org/en/A/HRC/17/27>
37. Vasak K. Human rights: a thirty-year struggle: the sustained efforts to give force of the Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000048063>

The development of human rights in the context of the digitalization of society: current trends in digital reality

Svetlana I. Glushkova

Doctor of Political Science,
Head of the Department of human rights,
University for the Humanities,
620041, 3 Zheleznodorozhnikov str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: glsvig@yandex.ru

Evgenii D. Letunov

Postgraduate,
University for the Humanities;
Expert-specialist at the Department of the Federal State
Statistics Service in the Sverdlovsk and Kurgan regions,
620075, 23 Tolmacheva str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: defrazo@yandex.ru

Abstract

The article makes an attempt to study the development of human rights in the context of the digitalization of society. In modern political and legal realities, when digitalization becomes one of the main engines and trends in the development of society and the state, the issues of the observance, ensuring and protection of human rights become especially important. The authors of the article point out that the digitalization of political and socioeconomic processes in the state leads to the emergence of new phenomena – digital personality, digital reality and the information and digital space of legal relations, which the mechanisms of human rights protection established over time do not fully apply to. This determines the need to clarify and improve existing legal mechanisms and analyze new trends in the political and legal relations between the government and society in the state. The article aims to carry out an analysis of the development of human rights under the influence of digitalization, to consider the most pressing issues and to identify promising areas for the development of digital human rights. The authors identify the main features of digital human

rights and propose an understanding and ways of further development of this category of human rights.

For citation

Glushkova S.I., Letunov E.D. (2021) Razvitie prav cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva: sovremennye tendentsii v tsifrovoi real'nosti [The development of human rights in the context of the digitalization of society: current trends in digital reality]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (5A), pp. 11-27. DOI: 10.34670/AR.2021.23.96.002

Keywords

Human rights, digital rights, information technology, digital technology, Internet, digitalization, digital transformation of politics and law.

References

1. Afanas'ev S.D., Shatilina A.S. (2019) "Tsifrovizatsiya" konstitutsionnogo prava: lichnye i politicheskie prava v informatsionnom obshchestve [The "digitalization" of constitutional law: personal and political rights in the information society]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society], 3, pp. 53-58.
2. Alter S. (2008) Defining information systems as work systems: implications for the IS field. *European journal of information systems*, 19, pp. 448-469.
3. Avak'yan S.A. (2017) Problemy obespecheniya konstitutsionnykh publichno-politicheskikh prav i svobod grazhdan Rossiiskoi Federatsii: novye real'nosti [The problems of ensuring constitutional public-political rights and freedoms of citizens of the Russian Federation: new realities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11: Law], 1, pp. 3-34.
4. Bondar' N.S. (2019) Informatsionno-tsifrovoe prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [The information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 11, pp. 25-42.
5. Bragoi K.A. (2018) Elektronnoe gosudarstvo: pravovye aspekty formirovaniya i razvitiya [The electronic state: legal aspects of the formation and development]. *Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Informatsionnye tekhnologii i pravo: pravovaya informatizatsiya – 2018"* [Proc. 6th Int. Conf. "Information technology and law: legal informatization – 2018"]. Minsk, pp. 96-102.
6. Bur'yanov M.S. (2020) Global'nye tsifrovye prava cheloveka v kontekste realizatsii tseli ustoichivogo razvitiya № 16 [Global digital human rights in the context of the implementation of Sustainable Development Goal 16]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskije chteniya – 2020"* [Proc. 7th Int. Conf. "Topical problems of science and practice: Gatchina readings – 2020"]. Gatchina, pp. 17-20.
7. Cerf V.G. *Internet access is not a human right*. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html> [Accessed 28/10/21].
8. Danilenkov A.V. (2016) Printsipy internet-prava [The principles of Internet law]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian journal of legal studies], 2, pp. 144-154.
9. *Declaration of Global Digital Human Rights*. Available at: http://maxlaw.tilda.ws/declaration_of_global_digital_human_rights [Accessed 28/10/21].
10. Gadzhiev Kh.A. (2020) Tsifrovoe prostranstvo kak pole politicheskogo protivostoyaniya vlasti i oppozitsii [The digital space as a field of political confrontation between the government and the opposition]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 147-171.
11. *Globalizatsiya* [Globalization]. Available at: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> [Accessed 28/10/21].
12. Glushkova S.I., Letunov E.D. (2020) Razvitie novogo pokoleniya prav cheloveka v epokhu tsifrovyykh tekhnologii [The development of the new generation of human rights in the digital age]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the University for the Humanities], 4, pp. 16-28.
13. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21.10.1994* [Civil Code of the Russian Federation (Part 1): Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ [Accessed 28/10/21].
14. Ivanova A.P. (2021) Realizatsii prava na zabvenie v tsifrovuyu epokhu [The realization of the right to be forgotten in

- the digital age]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo* [Social sciences and the humanities. Russian and foreign literature. Series 4: State and law], 2, pp. 154-162.
15. Kartskhiya A.A. (2018) Tsifrovoe pravo kak budushchee rossiiskoi tsivilistiki [Digital law as the future of Russian civil law]. *Pravo budushchego: intellektual'naya sobstvennost', innovatsii, Internet* [The law of the future: intellectual property, innovation, the Internet], 1, pp. 26-40.
 16. Kaveshnikov D.V. (2018) Osnovy primeneniya informatsionnykh tekhnologii v munitsipal'nom upravlenii [The foundations of information technology application in municipal administration]. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya* [Bulletin of Voronezh Institute of Economics and Social Management], 2, pp. 76-78.
 17. Kon'kov A.E. (2019) Tsifrovizatsiya politiki vs politika tsifrovizatsii [The digitalization of politics vs digitalization policy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Saint Petersburg University. International relations], 13 (1), pp. 47-68.
 18. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 28/10/21].
 19. Ksenzova A.N. (2019) Tsifrovizatsiya obrazovaniya: tendentsii i perspektivy [The digitalization of education: trends and prospects]. *Materialy Mezhdunarodnoi elektronnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Tsifrovizatsiya i formirovanie tsifrovoi kul'tury: sotsial'nyi i obrazovatel'nyi aspekty"* [Proc. Int. Conf. "The digitalization and formation of digital culture: social and educational aspects"]. Astrakhan, pp. 30-34.
 20. Maksimov A.A. (2019) Sushchestvuet li pravo na dostup k Internetu? [Is there a right to access the Internet?] *Sovremennoe pravo* [Modern law], 6, pp. 58-64.
 21. *Mezhhgosudarstvennyi standart GOST 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) "Informatsionnye tekhnologii. Slovar'"* [Interstate standard GOST 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) "Information technologies. Vocabulary"]. Available at: <https://base.garant.ru/71637770/> [Accessed 28/10/21].
 22. *O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017-2030 gody: ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203* [On the Strategy for the development of an information society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ [Accessed 28/10/21].
 23. *O svyazi: feder. zakon Ros. Federatsii ot 07.07.2003 № 126-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 18.06.2003: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 25.06.2003* [On communication: Federal Law of the Russian Federation No. 126-FZ of July 7, 2003]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ [Accessed 28/10/21].
 24. *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 27.07.2006 № 149-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 08.07.2006: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 14.07.2006* [On information, information technology and on information protection: Federal Law of the Russian Federation No. 149-FZ of July 27, 2006]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ [Accessed 28/10/21].
 25. *Ob utverzhdenii programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii": rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r* [On approving the programme "The digital economy of the Russian Federation": Order of the Russian Government No. 1632-r of July 28, 2017]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> [Accessed 28/10/21].
 26. Polyakova T.A. (2020) *Transformatsiya prava v tsifrovuyu epokhu* [The transformation of law in the digital age]. Barnaul.
 27. *Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression*. Available at: <https://undocs.org/en/A/HRC/17/27> [Accessed 28/10/21].
 28. Soldatenko O.M. (2019) Pravo na anonimnost' v "tsifrovuyu" eru: problemy priznaniya i predely realizatsii [The right to anonymity in the "digital" era: the problems of recognition and the limits of implementation]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Saratov State Academy of Law], 6, pp. 138-140.
 29. Talapina E.V. (2019) Prava cheloveka v Internete [Human rights on the Internet]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2, pp. 41-54.
 30. Talapina E.V. (2018) Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy [Law and digitalization: new challenges and prospects]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2, pp. 5-17.
 31. *Tsifrovye prava cheloveka – novye prava cheloveka* [Digital human rights – new human rights]. Available at: <https://spblegalforum.ru/ru/channel/4> [Accessed 28/10/21].
 32. Umnova I.A. (2018) Informatsionnoe pravo kak otrasl' prava novogo pokoleniya: otvet na tekhnokratizatsiyu [Information law as a branch of the new generation of law: a response to technocratization]. In: *Gosudarstvo i pravo v novoi informatsionnoi real'nosti* [State and law in the new information reality]. Moscow, pp. 38-52.
 33. Varlamova N.V. (2019) Tsifrovye prava – novoe pokolenie prav cheloveka? [Are digital rights a new generation of human rights?] *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and

-
- Law of the Russian Academy of Sciences], 4, pp. 9-46.
34. Vasak K. *Human rights: a thirty-year struggle: the sustained efforts to give force of the Universal Declaration of Human Rights*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000048063> [Accessed 28/10/21].
 35. *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka* [Universal Declaration of Human Rights]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ [Accessed 28/10/21].
 36. Zharova A.K., Elin V.M. (2021) Obespechenie prava na dostup k Internetu i zabvenie v tsifrovom prostranstve Rossiiskoi Federatsii [Ensuring the right to access the Internet and to be forgotten in the digital space of the Russian Federation]. *Monitoring pravoprimeniya* [Monitoring of law enforcement], 2, pp. 48-53.
 37. Zor'kin V.D. *Pravo v tsifrovom mire* [Law in the digital world]. Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadach-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovy-prava-grazhdan.html> [Accessed 28/10/21].